

e-book

БОРИС КОЖЕВНИКОВ

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

ЮРИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА

Борис Кожевников Короткие истории юриста-международника

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66796113

Короткие истории юриста-международника / Борис Кожевников:

Супер Издательство; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 9785996517206

Аннотация

В этом сборнике читатель найдет курьезные и не очень курьезные, однако правдивые и занимательные, истории юриста, многие годы занимавшимся иностранным и международным правом, который работал рядом с Хрущевым, Брежневым и Горбачевым, участвовал в торговле бриллиантами, в коллизиях с американскими судами и полицейскими, вел арбитражные дела за границей и с почти неизменным успехом представлял интересы своих клиентов за рубежом. В основу каждой из включенных в сборник историй положены факты, но с определенной долей выдумки и в вольном авторском изложении.

Содержание

Предисловие	4
Летающий бриллиант	9
Итальянское сопротивление Хрущеву	36
Брежнев и французские короли	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Борис Кожевников

Короткие истории

юриста-международника

Предисловие

Очень приятно, что Вы взяли в руки эту книгу и даже начали читать ее. Спасибо за это! Использованная А. П. Чеховым шутка «Кто писал не знаю, а я дурак читаю» здесь явно не применима. Во-первых, если Вы начали листать этот сборник, то Вы уже явно человек неглупый, а что касается автора, то и я человек вполне адекватный.

Ставшая крылатой чеховская фраза из миниатюры «Жалобная книга» берет основу в берестяной грамоте, на которой очень юморной парнишка из древнего Великого Новгорода в шестнадцатом веке наказывал (в современном изложении): «Невежда написал, недоумок показал, а кто это прочитал, тот...»¹

Хочу заверить читателя, что я, как автор, не считаю себя

---

¹ Концовка этой фразы подсказана в порядке предположения одним из исследователей и выглядит в оригинале следующим образом (читать надо с ударением на последнюю гласную в каждом слове): невежа писа́ недума каза́ а хто се чита́ то и гуза́. Гуза — задница (очень мягко говоря) по-нашему. См. <https://vveshka.livejournal.com/40421.html>.

невеждой или недоумком, при том что окончательное мнение на этот счет у каждого прочитавшего эту книгу будет свое. Ни коим образом нижеподписавшийся автор не имел в виду даже и намекнуть на то, что читатель данной книги может быть охарактеризован с использованием терминологии упомянутой берестяной грамоты. Напротив, знакомство с этим сборником историй предполагает достаточно высокий уровень не только интеллектуального развития читателя и знания советского периода жизни российского государства, но и сострадательного отношения к фигурантам этих историй, понимания тех обстоятельств, в которых они жили и работали.

В сборник включены истории, которые я изложил как один из многих, но уже не многочисленных *советских* юристов-международников. Кстати, термин «юрист-международник» не я придумал, и он мне не очень нравится, но так написано в моем дипломе. Истории моего сборника, а в некоторых случаях даже анекдотические рассказы, основываются на реальных событиях, известных, как мне кажется, не очень большому кругу людей. Во всяком случае, круг этих людей потихоньку сужается, поскольку здесь речь идет об историях прошлых и прошедших, а время быстро течет и не менее быстро утекает. К современной жизни эти истории могут иметь отношение только с точки зрения их поучительности, хотя автор перед собой такой цели не ставил.

Описанные в сборнике происшествия изложены автором

так, как он их видел и воспринимал, иначе говоря, без претензий на достоверность, которую было бы возможно во всех случаях подтвердить документально. Более того, истории, включенные в сборник, следует рассматривать как смесь нон-фикшн и определенной доли выдумки, иначе говоря, занимательные факты, но в вольном изложении. Чего больше — сказать трудно, поскольку эти истории были сочинены с учетом личных воспоминаний и субъективного опыта и опираясь на беседы с очевидцами.

В любом случае, изложенное в этой книге не следует рассматривать как своего рода мемуары или как публицистическое сочинение. Есть немного того и другого, но я бы охарактеризовал свою работу как воспроизведение откровенных и с претензией на развлекательность рассказов близких между собой коллег-юристов о своих приключениях на том этапе застолья, который наступает перед чаем, но когда ресурсы стоящих на столе бутылок еще не исчерпаны.

Все фамилии, имена, документы, описания тех или иных лиц, включая внешность, костюмы и манеры, упомянутые здесь, хотя и имеют что-то общее с реальными людьми, на самом деле вымышлены, а всякое совпадение кого-либо и чего-либо с кем-либо или с чем-либо является абсолютно случайным.

Важная оговорка: ни одна из упомянутых в сборнике фигур не имеет ничего общего с автором кроме — в некоторых случаях — личного знакомства. Мой замысел в изложении

этих историй состоял только в том, чтобы познакомить читателя с забавными, как мне кажется, ситуациями и фактами, с интересной информацией и связанными с ней обстоятельствами. Никаких иных целей я не преследовал.

Как кандидат наук и автор более двадцати научных правовых публикаций, я привык пользоваться сносками. Они дают возможность, не отвлекаясь от основного повествования, включить в текст пояснения и дополнительную информацию, с которыми читатель может ознакомиться, если, конечно, они его заинтересуют. Не избежал сноски я даже в этом предисловии. В моем сборнике и далее сносок много, и если кому-то они покажутся излишними, то просто не обращайтесь на них внимания.

Если Вы раздумываете, читать этот сборник или нет, то для облегчения принятия решения предлагаю Вам следующий тест. Книга, возможно, будет интересна для Вас, если Вы положительно ответите хотя бы на один из нижеследующих вопросов. Если утвердительный ответ получится на два, а тем более на три вопроса, то этот сборник точно для Вас.

Итак:

Вы юрист по образованию.

Вы интересуетесь историей СССР, особенно на ее (его) закате.

Вы были государственным служащим в советские времена.

Вы работали в загранучреждениях СССР.

Вы участвовали во внешнеэкономической деятельности.
Вы родились до 1977 г., и Вам нравится бывать за границей.

Вы хотите почитать что-то развлекательное про всякие исторические казусы.

Если Вы решились читать дальше, то желаю Вам приятного времяпрепровождения.

Искренне Ваш

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'B. Kozhevnikov'. The signature is highly stylized and cursive, with a long horizontal flourish at the end.

Б. Кожевников

Летающий бриллиант

Этот сентябрьский день в Риме в конце пятидесятих годов прошлого столетия уже с утра выдался особенно жарким. Солнце заливало все беспощадными лучами. Казалось, что обычная для периода Феррагосто² жара уже месяц как должна была пройти, но нестерпимый зной, вопреки ожиданиям, не ослабевал. В середине сентября, по моем возвращении в наше итальянское торгпредство после летнего «отдыха» в Москве, дневная температура держалась на 32–36 градусах при почти полном безветрии.

Я работал юристом в торгпредстве уже второй год и, вернувшись в Рим после первого отпуска дома, с облегчением вздохнул, завершив на родине обязательные визиты к начальству, сопровождавшиеся беседами с подаренным мною же коньяком и итальянскими шоколадками, нескончаемые выпивоны и шашлыки с друзьями, бывшими коллегами и родственниками. Все это происходило в довольно жаркой в тот год летней Москве на взлете августа, и складывалось такое впечатление, что не только шоколадки для закуски бы-

---

² На время Феррагосто (две недели августа — н. ачиная со второй — связанные с религиозными праздниками и окончанием ряда сельскохозяйственных работ) Италия как будто вся вымирает, оставляя в городах только измученных солнечным пеклом туристов. Практически всегда это самое жаркое время года. Фабрики и производства закрываются, итальянцы берут отпуска и отправляются к морю или подальше и повыше в горы.

ли мягкими от жары, но и асфальт на тротуарах немного «плыл» под каблуком ботинка. Даже когда к концу августа настало время отъезда в торгпредство и жара стала понемногу спадать, она была еще очень ощутимой.

Казалось, что в Риме встретит приятная свежесть, сопутствующая началу осени, но суховеи из Африки, легко пересекавшие небольшой отрезок Средиземного моря до Италии, сделали в том году нашу жизнь с точки зрения комфорта весьма тяжелой. Мало того, что практически три дня пути в вагоне «Москва — Рим» пришлось провести в узеньком и душном купе, по прибытии в Рим уже на вокзале нас ожидали те самые суховеи, сопровождаемые мелкой песочной пылью.

Надо сказать, что в начале шестидесятых годов двадцатого века понятие «кондиционер воздуха» было малоизвестным и больше относилось к американским автомобилям и домам миллионеров, которые (кондиционеры, автомобили и дома) мы все, конечно, осуждали как буржуазные излишества. В здании советского торгпредства, которое было построено давно и имело в своей истории много собственников из разных стран, были комнаты, в которых, несмотря на жару на улице, сохранялась некая прохлада. Они находились в той части здания, где были наиболее толстые стены, окруженные высокими вечнозелеными деревьями. В этой части здания располагались кабинеты начальства и его же жилые помещения, прикрытые толстыми развесистыми ветвями пи-

ний, которые помимо устойчивой теневой прохлады сообщали окружающей среде тонкий и очень приятный смолистый аромат.

Кроме того, в соответствии с указаниями нашего главного начальника (торгового представителя СССР), завхоз торгпредства дважды в день поливал внутренний дворик из шланга, создавая дополнительное, хотя и кратковременное, ощущение свежести. Стоит ли говорить, что в кабинете самого торгпреда имелось еще и охлаждающее устройство, которое, однако, использовалось им нечасто. Видимо, в силу технического несовершенства — очень трещало и подвигало горелой проводкой.

Кабинеты же среднего и младшего состава, а равно и переговорные комнаты для общения с иностранцами, располагались в неприкрытой какой-либо растительностью части здания, на солнце, а также в пристройках весьма субтильной и легко прогреваемой конструкции.³

Соответственно, и мой кабинет юрисконсульта располагался в этой, скажем так, непривилегированной части здания торгпредства, по соседству с двумя переговорными комна-

---

³ Это было характерно для советских загранучреждений — выбирался не оптимальный, а самый дешевый вариант. Рассказывают, что многоэтажный жилой дом советского представительства при ООН в Нью-Йорке был экономно построен по образцу более дешевого варианта такого дома во Флориде (а там намного теплее). Сам знаю, что сотрудники, проживавшие в этом доме, постоянно жаловались на холод зимой и нестерпимую жару летом. Но сейчас не об этом, а о торгпредстве в Риме.

тами, которые по нашей простоте обозначались как «большая» и «маленькая». В «большой» комнате переговорный стол, окруженный восемью стульями-креслами, был покрыт зеленоватым стеклом, имелся также комод с вазой, в которой располагались какие-то засохшие кривые ветки, а на стене висела картина с изображением московского Кремля (вид со стороны Замоскворечья). В «маленькой» все было проще — полированный стол с шестью не очень удобными стульями, а на стене черно-белый фотопортрет генсека.

Так вот, по возвращению в Рим после душного путешествия из Москвы ожидавшегося облегчения не наступило. Более того, едва я только зашел в свой кабинет и воззрился на стопку почты на столе, как раздался звонок по внутренней связи. В торгпредстве была внутренняя связь для разговоров между сотрудниками, для чего имелась своя телефонная станция внутри самого торгпредства. Существовала также отдельная городская связь, то есть связь с внешним миром, телефонные аппараты для которой имелись только у некоторых, можно сказать избранных сотрудников, и, естественно, был такой аппарат в приемной торгпредства с его официальным номером, куда поступали все входящие звонки и откуда в случае необходимости каждый из нас мог позвонить «в город», но в присутствии дежурного секретаря. Это, как я понимаю, должно было в глазах начальства обеспечивать режим секретности и контроля за сотрудниками.

У меня городского телефона пока не было (точнее сказать,

еще не заслужил), поэтому звонить мог только внутренний. Я снял трубку.

— Ну что, приступил к работе, — раздался рокочущий с хрипотцой бас торгпреда, причем не в форме вопроса, а в порядке утверждения.

— Да вот, Валентин Александрович, только вошел в кабинет, — залопотал я, не ожидая столь быстрой реакции на мой выход на работу.

— Отправляйся в большую переговорную и помоги там Уткину с бриллиантами, он сегодня принимает Карлетти, показывает ему лоты, ты там поприсутствуй.

— Так ведь это не мои вопросы, Валентин Александрович! Бриллианты — это одно, а я — это же совсем другое. Мне тут дела надо разгребать, — пытался я увернуться от неожиданного задания.

— К тебе прямо на хромой козе не подъедешь.⁴ Давай, давай, не отговаривайся. Филатов заболел, а кроме тебя при просмотре лотов посидеть больше некому. Да и вообще ты юрист, законник, а здесь все-таки речь о государственных ценностях, о миллионах, тебе и карты в руки. Ты, чай, не пальцем деланный. Нет больше никого сейчас в торгпредстве, а на безрыбье, как говорится, и сам раком свистнешь. Да смотри там, чтобы ничего не поперли, хе-хе, — на этом раз-

---

⁴ Это выражение означает, что к кому-то трудно найти подход, не помогают никакие ухищрения, маневры и маскировки. Хромая коза в этом выражении ассоциируется с замысловатыми маневрами и маскировкой при подходе.

говор закончился.

Насчет хромой козы, пальцев и раков замечу, что торгпред у нас был большой любитель всяких прибауток, поговорок и пословиц, которых за многие годы работы во внешторге он набрал в свой арсенал немало. Ну а насчет участия в продаже бриллиантов, то наше дело солдатское — приказали и пошли.

Юрист торгпредства вообще фигура неопределенная. Для всех случаев, когда неясно, кто из сотрудников торгпредства должен заняться тем или иным вопросом, сразу отправляют к юристу. Например, пришел полицейский с вопросом относительно припаркованной у входа в торгпредство автомашины — зовут юриста. Приехал почтарь и требует расшифровки подписи получателя — пригласите юриста. Звонят у ворот представители благотворительного общества с просьбой помочь голодающим в Африке — быстро юриста сюда. И такая дребедень не только каждый день, но и каждую неделю, месяц, год, два и три. После трех лет командировка заканчивается, и следует возврат на круги своя — в Москву.

В этот день речь шла о показе лотов бриллиантов нашему традиционному покупателю. Надо пояснить, что в то время (как сейчас — не знаю и утверждать не берусь) бриллианты продавались советской стороной лотами, иначе говоря наборами из бриллиантов. Как известно, наибольшим спросом пользуются бриллианты покрупнее и более чистой воды. Мелкие же, хоть и много дешевле, не являются ходовы-

ми, с ними возни много, а навар поменьше. Все бриллианты, конечно, круглой огранки, каждый — даже самый маленький — имеет 57 граней. Что-что, а гранить наши мастера научились не хуже других, а может и получше. Так вот, для продажи готовятся лоты или наборы, в которые обычно включаются несколько привлекательных крупных бриллиантов, среди которых есть и один самый крупный и дорогой, и много средненьких, а также совсем мелких, то есть не очень интересных.

Такой подход напоминает существовавшую в советские времена торговую практику продаж так называемых наборов. В силу разных причин, которые рассматривать здесь смысла нет никакого, в стране производилась масса непопулярных и неходовых товаров, продать которые было крайне затруднительно, а план торговым заведениям выполнять надо было. В силу этого в магазинах нередко появлялся набор, состоявший из дефицитной замороженной венгерской курицы и банки консервов «Завтрак туриста» (рыбо-крупяной фарш в томате) или упаковки осетрины в компании горохового супа в брикете. Роль фарша и сухого супа в бриллиантовой торговле играли те самые, условно говоря, «неинтересные» бриллианты, которые прилагались к крупным. Набор составлялся в Москве, упаковывался в этакий конвертик из плотной бумаги, напоминавшей пергамент, и поступал к нам в качестве того самого лота (в то время полиэтиленовых пакетиков или аккуратненьких пластмассовых коробочек в

принципе не водилось, и по какой-то, наверно, еще дореволюционной традиции, в торговле использовали эти прочные и особым образом завернутые, но все-таки бумажные конвертики или пакетики). Покупатель осматривал товар, получал от нас предложение по цене, прикидывал, что может на нем заработать, и называл свою цену. После утряски цены в рамках полученных из Москвы инструкций стороны, как говорится, били по рукам (сейчас этому обороту более часто придается совсем другой смысл).

В качестве, скажем так, паровоза в лотах выступал самый крупный бриллиант, так называемый каратник.⁵ Именно его в первую очередь и изучал предполагаемый покупатель, вооружившись десятикратной лупой на предмет обнаружения различных включений и дефектов, которые могут радикально влиять на цену. Собственно на этом и ограничивались мои познания в части бриллиантовой торговли, а на представлении лотов покупателю я выступал только в качестве статиста.

В сфере советской внешней торговли вообще было характерным вовлечение во все процессы как минимум двух человек. Любой контракт независимо от суммы должен был подписываться двумя лицами, причем долгое время существо-

---

⁵ Каратность бриллианта — это его вес. Говорят, что каратами в древности называли зерна какого-то восточного дерева, которыми пользовались для взвешивания драгоценных камней. В наше время карат составляет 0,2 г. Бриллиант классической круглой огранки весом в один карат, т. е. «каратник», будет иметь диаметр порядка 6,4 мм.

вало разделение на первую и вторую подпись. Два сотрудника с правом второй подписи подписать контракт не могли, требовался человек с правом первой подписи. Это же правило действовало, если в наличии было только два лица с правом первой подписи. В таком случае надо было искать или ждать появления из отпуска или командировки правообладателя второй подписи. Эти архаичные правила берут основу в лихие послереволюционные годы, когда, видимо, прорвавшиеся к власти жулики и воры, начали раздербанивать народное достояние и основывались на том расчете большевистского начальства тех лет, что при двух участниках лихоимство менее вероятно по крайней мере на 50 %. Рассчитывали, что хоть один из двух сотрудников окажется честным, а если расчет не оправдается, то для преступления, совершенного по сговору группой лиц, предусматривалось значительно более суровое наказание. Это, по мнению советских руководителей, также должно было служить дополнительным барьером на пути нечистоплотных и вороватых коммерсантов, которые могли хитростью пробраться в стойкие ряды настоящих внешторговцев уже в годы развернутого социализма или развернутого строительства социализма — точно трудно сказать, не помню, как именно назывался этот период. Несмотря на разные этапы развития и разворачивания социализма, система не допускала только мелкого воровства.

Сейчас эти нормы двух подписей уже давно не действуют, но в описываемый мной период правило как минимум двух

участников в общении с иностранцами — и тем более при заключении с ними контрактов — было обязательным.

Вот и пришлось мне отправиться в «большую» переговорную торгпредства к Николаю Уткину, сотруднику, который представлял «Ювелирэкспорт». Поручившись с ним и объяснив свое появление в переговорной, я осмотрел принесенный сотрудником первого отдела торгпредства ящичек с конвертиками, заполненными бриллиантами — их всего было с десятков — заказал у Любы, секретаря торгпредства, с удовольствием выполнявшей также функции буфетчицы, кофе и воду, после чего поудобнее обосновался за столом в ожидании пары часов безмятежного времяпрепровождения. Оно могло нарушаться только кратковременным, но приятным созерцанием от природы сексуальных и подчеркнутых обтянутостью, укороченностью и высотой разрезов юбки форм секретарши Любы, которые она охотно демонстрировала, принося кофе и воду во время переговоров с иностранцами. Поскольку в отсутствие иностранцев ни кофе, ни воды за казенный счет нам не полагалось, то уж во время переговоров модницу Любу с ее формами вызывали по несколько раз, в том числе и непосредственно перед уходом иностранных гостей, чтобы вволю попить кофе с печеньем в своей компании уже без всяких посторонних лиц.

Наконец пришел покупатель, Карло Карлетти, немного с ним поболтали на общие темы, в частности про очередной

правительственный кризис⁶ и рост цен на автомобили «Альфа-Ромео», после чего итальянец положил под руку предложенный Колей Уткиным ценник по лотам и свой блокнот для записи, достал лупу и с ожиданием уставился на нас. Уткин открыл первый конвертик, развернул его и положил перед Карлетти. Тот начал рассматривать бриллианты сначала без лупы, потом с ней, осторожно поворачивать конвертик, просил включить и потом выключить свет, после чего, посапывая, начал делать от руки пометки в своем блокноте. Все то же повторилось и со следующим конвертиком. А потом и со следующим за ним. Уже где-то на пятом или шестом конвертике я начал задремывать, встрепенулся, уронив голову, встал, позвонил по телефону внутренней связи совмещавшей функции секретаря и буфетчицы Любе и затребовал кофе с минеральной водой «Сан-Пеллегрино» (эта минералка выдавалась только руководству и только на переговоры с итальянцами).

В этот самый момент Уткин взялся за очередной конвертик, попытался разорвать или развернуть его, сразу это не удалось, и бумага с хрустом лопнула. Коля инстинктивно попытался как-то одновременно то ли сжать, то ли выпрямить конвертик, отчего его нижняя часть сработала как пружинный трамплин, и тот самый «главный» бриллиант скакнул куда-то ввысь в сторону от Карлетти в направлении Утки-

---

⁶ История Италии характеризуется частой сменой правительств, так с 1946 по 1993 гг. в этой стране сменилось 49 правительств.

на. Я видел полет бриллианта на первой фазе, то есть когда он, играя гранями и переливаясь алмазным блеском, летел вверх, после этого я смотрел только на Колино лицо, выражавшее в форме диковинного коктейля одновременно удивление и ужас. Слышен был также легкий щелчок по поверхности стекла на столе. О-па! Улетел!

Все замерли.

Быстрее всех сориентировался Карлетти. Он вскочил и сказал, что понимает ситуацию и оставляет нас на поиски бриллианта, а сам придет к нам снова тогда, когда мы отыщем этот камень и будем готовы к продолжению переговоров. Сложив ценник и листочек со своими пометками вчетверо и засунув его в карман, Карлетти начал раскланиваться. В ту же секунду в дверь переговорной постучали, и вошла Люба с подносом, на котором стояли чашечки с кофе и бутылка того самого «Сан-Пеллегрино». Я забрал у нее поднос и попросил проводить Карлетти на выход.

Как только за ней закрылась дверь, мы с Колей бросились на поиски бриллианта. Быстро встали на четвереньки и пошарили руками по ковру вокруг стола, но ничего не нашли. Уткин сверил лежавшие в конвертике бриллианты со спецификацией лота и подтвердил, что «улетел» самый крупный бриллиант. Прошлись по полу еще раз — ничего.

— А! Может в вазу упал! — закричал Уткин.

Вместе схватили вазу, вытащили из нее ветки, которые были, как сообщил мне Коля, понатыканы в качестве ху-

дожественно-декоративной композиции супругой торгпреда, перевернули вазу, долго трясли ее, дули в нее, но все безрезультатно.

Дверь переговорной вдруг одновременно со стуком открыла Люба, вернувшаяся после проводов Карлетти:

— Я могу уже посуду забрать?

— Нет, нет, погоди! Стой! Уйди! Закрой дверь! — завопил Уткин, и после того как Люба, пожав плечами, вышла, обращаясь ко мне, сказал, что нам надо сначала найти камень, а потом только кого-то допускать сюда, потому что если этот кто-то камень стибрит, то подумают все равно на нас.

Тут только я начал осознавать, в какую передрыгу попал. Бриллиант стоит кучу денег. Ну, может быть, не кучу, но кучку, которую ни мне, ни Коле Уткину не поднять, как бы мы ни старались (примерно двухлетняя наша зарплата в торгпредстве). Даже если, чисто теоретически, мы с Колей могли бы собрать такую сумму, то заменить ей пропавший бриллиант мы бы не смогли. Просто технически это было бы невозможно. Существовала отчетность, акты сдачи-приемки и прочая дребедень, в отсутствие которой нам светили очень крупные неприятности.

Пропажа госсобственности на территории торгпредства, да еще и цены немалой, означала очень крутые выводы и последствия для всех участвовавших лиц. Возможность выплаты стоимости бриллианта мы даже и не рассматривали как сугубо фантастическую. В том или ином варианте, даже ес-

ли бы мы и смогли как-то вывернуться, свалить на кого-то или на какие-то обстоятельства, пропажа бриллианта означала для нас с Колей не только незамедлительное окончание служебной карьеры, но и начало долгих и безрадостных мытарств по инстанциям с объяснениями, которые неумолимо бы приводили нас либо на скамью подсудимых, либо в лучшем случае в категорию безработных и отверженных.

Посмотрев на Колю Уткина, я понял, что он, вместе со мной, а может и вперед меня разнервничался. Сам я от страха вспотел и почувствовал испарину не только на лбу, на спине и далее по всей вертикали, но даже и на обычно сухих ладонях.

Я схватил трубку телефона, набрал торгпреда и в двух словах сообщил ему, что у нас пропал бриллиант. Мне казалось, что таким образом я смогу уменьшить опасность не только для меня, но и для нас с Колей обоих. Известные принципы выживания в советских условиях состояли в том, чтобы успеть доложить начальству о проблеме первому и не допустить, чтобы тебя рассматривали в качестве промолчавшего или скрывавшего происшествие. Эти принципы были сформулированы еще в римском праве, и кому, как не мне, юристу, было их знать.⁷

---

⁷ Известные принципы римского права, которыми совсем не вредно руководствоваться: *Qui prior est tempore, potior est jure*, т. е. «Кто раньше по времени, тот прежде по праву» (иначе говоря: кто успел, тот и съел), а также *Qui tacuit, cum loqui debuit et potuit, consentire videtur* — «Кто промолчал, когда мог и должен был говорить, тот рассматривается как согласившийся» (иначе говоря: молчание

Умолчание о каком-либо провале, неудаче или полном фиаско было возможно и крайне желательно, но только в случае полной и даже абсолютной уверенности в том, что негативная информация не всплывет и ни при каких обстоятельствах не станет доступной начальству. Здесь явно был не тот случай — надо было срочно раскрываться и докладывать.

Торгпред в ответ на мое сообщение что-то прогрумкал, помолчал, а потом спросил:

— А что Уткин говорит, как он выкручиваться собирается? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Он-то что себе думает? Дай ему трубку.

Я передал телефон Коле и пожал плечами в знак того, что ситуация пока неясна. В разговоре с торгпредом Николай сразу подтвердил, что бриллиант пропал, но заявил, что мы его найдем, непременно найдем, обязательно, не сомневайтесь.

— Не хвались на рать едучи, а хвались с рати едучи, — сообщил ему торгпред, а немного подумав, продолжил. — Я пошлю Любу, пусть она вас запрет на ключ, а вы, братцы, ищите! — и окончил разговор.

Когда Коля положил трубку, я с оттенком язвительности спросил его:

— Коля, а где, как ты обещал, бриллиант искать-то будем?

— Давай поделим эту часть переговорной, куда мог упасть

бриллиант, на маленькие квадраты и снова по ним по очереди пройдемся, — ответил Коля.

Мы разделили комнату по полу пепельницей, ручками, а Коля даже выложил сигаретами линию разграничения между нами, встали на четвереньки и прошлись по полу переговорной. Безрезультатно. Просмотрели подоконник, комод, прошерстили все стулья еще раз, но ничего не обнаружили. Посидели и подумали, не мог ли Карлетти как-то прихватить наш бриллиантик, но пришли единогласно к выводу, что у него такой возможности не было, во-первых, судя по траектории полета бриллианта в сторону от итальянца, а во-вторых, потому что смысла в присвоении у него не было, поскольку стоимость этого камня была много меньше стоимости уже многолетнего бизнеса Карлетти с нами. Смотрелся он, конечно, быстро, что было, с одной стороны, подозрительно, а с другой — исключало возможность его участия в похищении драгоценности.

В общем, выходило, что Карлетти здесь не причем. Тогда получалось, что либо мы не можем найти куда-то завалившийся бриллиант, либо один из нас его спрятал и, грубо говоря, хочет обогатиться. Мы поглядели друг другу в глаза, и нам обоим эта мысль показалась невероятной. Затем у нас двоих одновременно возникла мысль о том, не мог ли бриллиантик как-то попасть к Любе на поднос, ведь она входила к нам примерно в тот самый момент, когда исчез бриллиант. Ну, если не на поднос, то в теории она могла его при-

хватить, увидев где-нибудь на столе, к примеру. Люба сцапала его предположительно тремя пальчиками — иначе камешек не ухватишь — или смахнула себе на поднос с чашками и вышла из переговорной. Как говорится, «с ним была плутовка такая». Тогда понятно, почему мы никак не можем его обнаружить. Поразмыслив немного, мы, в конечном итоге, пришли к выводу, что эта версия неубедительна — Люба, по сути, внутрь комнаты не заходила, только открыла дверь, покрой ее узкой юбки позволял ей передвигаться только мелкими шажками, да и на высоких каблуках, что не позволяло ей быстро и широко шагнуть в переговорную, чтобы что-то схватить, если бы она это что-то даже и увидела. Да и взять с гладкой поверхности стола бриллиант пальцами с ее маникюром (очень длинные и ярко-красные ногти) было просто нереально, а смахнуть его ей было нечем, по той простой причине, что никакой салфетки или полотенца она в руках не держала. Единодушно решили — не она! Оставалось только продолжить поиски.

После очередного раунда ползания по полу, с трудом уже разогнув спину, кряхтя и растирая колени, я сказал Коле, что надо сообщать руководству о бесплодности поисков, пусть оно решает, что делать дальше.

Снова набрал по внутреннему торгпреда:

— Извините, Валентин Александрович, но улетевший бриллиант пока не обнаруживается, не знаем, что и делать.

— Ничего сами не можете! Искать надо! Внимательно! Вы

что, хотите и на саночках покататься, и рыбку съесть? Ищите, оглоеды! — повисил и без того звучный голос торгпред.

— Ну нет его и все тут, — твердо, как мне казалось, сказал я.

— Плохо ищите, куда он делся! Без руководства, как я вижу, вы не обойдетесь. Вот что: пришлю вам Гусева, пусть разберется. Сидите, скоро придет. Все вам скажи, да укажи, да в рот положи! — закончил свою тираду торгпред.

Замторгпреда Иван Лаврентьевич Гусев отвечал в торгпредстве, как это официально называлось, за вопросы безопасности, а на деле он был сотрудником соответствующего комитета и нес службу в числе тех сотрудников торгпредства, которых при очередном дипломатическом скандале высылают из страны пребывания в течение двадцати четырех или сорока восьми часов. Это была не очень хорошая новость, поскольку Гусев был известен нам как довольно жесткий человек, настроенный на дальнейшую карьеру и стремившийся показать и доказать начальству свою эффективность и непримиримость к врагам социалистического отечества, особенно когда оно в опасности.

Ну а мы в самом деле не знали, куда подевался этот чертов бриллиант, и тем самым создавали для Гусева препятствие, которое он не мог преодолеть. Это, в свою очередь, мешало успешной реализации его устремлений и, соответственно, должно было для нас плохо кончиться.

— Втин Саныч! Может быть, лучше Воробьева, — заспе-

шил я со своим предложением, — он же все-таки непосредственный куратор «Ювелирэкспорта».

Артема Анисимовича Воробьева я знал как человека неглупого и незлого. С его стороны никакой подлянки последовать не должно было, но торгпред прервал меня:

— У Воробьева по сравнению с Гусевым труба пониже и дым пожиже. Ждите, Иван Лаврентьевич уже пошел к вам.

Прошло немного времени, в замке двери повернулся ключ, и в переговорную решительно вошел Гусев, присел на кресло у двери, осмотрелся. Послушал наши рассказы, велел прочесать не только район предполагаемого приземления улетевшего бриллианта, но и всю переговорную в целом. Он заново разделил стульями, пепельницей, вазочкой и Колиными сигаретами пол в переговорной на квадраты поиска для каждого из нас, а сам устроился в кресле поуютнее, закурил и, как мне показалось, с любопытством и садистическим удовольствием посматривал на нас. Мы снова прошлись уже практически по-пластунски по всему полу в этих квадратах, потом ими поменялись. Все было безрезультатно.

Уже прошло довольно много времени, и Коля Уткин и я уже испытывали естественные желания, не только жажду и потребность выпить воды для успокоения нервов, но и, в значительно большей степени, побуждение поскорее посетить туалет. Однако в ответ на наше обращение суровый Гусев исключил такую возможность, заявив, что сначала надо вернуть Родине пропавшую драгоценность, а уж потом шатать-

ся по сортирам.

— Не маленькие, потерпите, — сообщил он нам в ответ на наши мольбы. Нам ничего не оставалось делать, как действительно терпеть, а это было, между прочим, непросто.

Пока мы ползали с Колей Уткиным по полу, мы негромко беседовали и вспоминали, что уподобляемся в каком-то смысле то ли австрийским евреям, которых фашисты заставляли чистить мощеные мостовые зубными щетками, то ли криминалистам на месте преступления, которые с лупами в руках, подобно Шерлоку Холмсу, исследуют каждый сантиметр предполагаемого места преступления. К тому моменту поясницы и колени начали уже не только заметно подвывать и даже ныть, но и отказывать. Приходилось вставать, разгибаться и делать какие-то движения для того, чтобы прийти обратно в норму, но строгий и подозрительный взгляд Гусева убедительно возвращал нас вновь в ползающее положение.

Через некоторое время Коля начал тихо напевать какую-то народную песню про кудрявую рябину под окном, которую отец срубил по пьянке на дрова. Напевая, он слегка даже подвывал, что придавало его пению вкупе с ползанием по полу издевательский характер. Это вносило некоторое развлечение в наше ползание, нежное проглаживание и осторожное прощупывание руками коврового покрытия на полу, но строгий Гусев, учуяв что-то неуставное, потребовал прекратить пение. Коля затих.

Вскоре, в самом углу переговорной, у входа, где мы рань-

ше не ползали, Уткин вдруг вскочил и объявил, что между плитусом и ковровым покрытием нашел заколку для волос, по всей видимости женскую, которую он тут же вручил Гусеву для исследования и оценки. Находясь в положении партера,⁸ я мог видеть только, что это была не просто заурядная невидимка, а заколка с каким-то украшением типа простенькой эмали или стекляшки.

Никакой ценности она из себя не представляла, к улетевавшему бриллианту отношения не имела, но свидетельствовала то ли о неосмотрительности наших сотрудниц, приводивших здесь в порядок свою прическу, то ли о бурных или даже низменных страстях, кипевших в этой переговорной и сопровождавшихся разбрасыванием заколок. В любом случае она говорила о невнимательности и халатном отношении к своим обязанностям наших уборщиц, которыми, кстати сказать, были жены наших же сотрудников. Гусев повертел в руках заколку, пристально одним глазом довольно долго рассматривал ее, глубокомысленно хмыкнул и пробурчал: «Разберемся». Затем сунул заколку в карман и самым суровым образом (т. е. с использованием ненормативной лексики) потребовал от нас продолжения поисков.

На каком-то этапе нашего пресмыкательства по полу Гу-

---

⁸ Партер в греко-римской борьбе является частью схватки наряду с борьбой в стойке. Положение партера определяется по так называемому правилу трёх точек — у одного из борцов три точки находятся в контакте с ковром: две руки и одно колено или два колена и одна рука. Именно в последней позиции я и находился, подняв правую руку в безуспешной попытке привлечь к себе внимание.

сев сказал нам, что аналогичный случай с пропажей бриллианта из такого же пакетика имел место года два-три назад во Франкфурте, в отделении торгпредства, в примерно такой же переговорной комнате. Там тоже долго искали, все перетрясли и прощупали, но поначалу ничего не нашли. Только смекалистый работник службы безопасности додумался протрясти все шторы в этой переговорной, и оказалось, что бриллиант, прыгнув, как и у нас, из своего пакетика в результате его резкого и неосторожного вскрытия, «приземлился» в верхней складке шторы окна и лежал там, ожидая прибытия спасателей.

Я высказал свои сомнения, поскольку, по моим воспоминаниям, применительно к нашей ситуации бриллиант не улетел так высоко и далеко, чтобы долететь до окна и складок занавесок у потолка. Тем не менее, мы тут же перетрясли все занавески в переговорной комнате (тяжелых складчатых штор там не было), затем нежно руками прощупали практически каждый сантиметр этих занавесок, но ничего не обнаружили, хотя все вздрагивали и с надеждой смотрели на того, кто замирал, нащупав узелок в шторе. Потом головы и плечи опускались, и прощупывание штор продолжалось. Бесполезно!

Положение получалось дурацкое. С одной стороны, мы обшарили и проверили буквально каждый сантиметр комнаты, убедившись, что бриллианта в ней нет, а с другой стороны, это означало, что кто-то из нас двоих эту самую драго-

ценность, грубо говоря, попер. Я подумал о том, что знаю Колю Уткина не так долго, где-то с год, и не так близко — пару раз выпивали на приемах, но семьями не общались. Мог ли он свистнуть бриллиант? Да вполне! По задумчивому выражению лица Коли понял, что такие же мысли пришли и ему в голову. Однако, вспомнив, что подумав на невинного — уже согрешишь, я отогнал от себя эти нехорошие мысли в сторону, но затем еще больше расстроился, поскольку не находил ответа на вопрос — куда делся бриллиант.

Усевшись на полу, я заявил Гусеву, что дальнейшие поиски бесполезны. Уткин присоединился ко мне и одновременно предложил использовать в качестве судна вазочку с комода, поскольку мбчи терпеть уже нет. При этом заявил, что декоративную композицию торгпредши мы, конечно, из вазочки вынем и сохраним для дальнейшего использования.

Гусев в ответ на это спокойно заявил:

— Будем вас, ребята, раздевать и проверять. Пока вы еще не ходили в туалет, не имели возможности сбросить ценность или перепрятать. Иного выхода нет. Раздевайтесь!

— Вы не имеете такого права, личный обыск возможен только по специальному разрешению, — возмутился я, хотя внутренне был спокоен, поскольку мне скрывать было нечего, возмущалась лишь моя юридическая душа, обеспокоенная нарушением гражданских прав.

— А мы вот сейчас запросим разрешения у Валентина Александровича, он как торгпред у нас и Бог, и царь, и во-

инский начальник, — отвечивал Гусев. Он снял трубку и сообщил торгпреду о том, что будет проводить личный до-смотр, как договорились. И пошутил: «Валентин Александрович, я же Вам говорил, что в каждом человеке можно найти что-то хорошее — если его хорошо обыскать, ха-ха! Приступаю!»

Стало ясно, что вопрос с начальством согласован и придется разоблачаться. А что делать?

— Шмонать будете? — вдруг перешел на тюремный лексикон Коля Уткин, вообще-то вполне интеллигентный парень.

— Вот именно, — сказал как отрезал Гусев.

Мы начали снимать пиджаки, развязывать галстуки и расстегивать рубашки, демонстративно потряхивая ими перед Гусевым, который, тем не менее, брал каждую вещь, прощупывал ее, выворачивал карманы, мял в руках и снова тряс, а затем довольно-таки брезгливо отбрасывал проверенное барахло на стул в углу комнаты.

Все это напомнило мне неоднократно рассказанное моими старшими родственниками и знакомыми, а также виденное в кино и описанное в литературе проведение обысков в годы сталинских репрессий, которые тогда еще совсем недавно, буквально несколько лет тому назад происходили в реальной жизни. Все это обсуждалось и осуждалось не только в наших головах, в разговорах, беседах, но и в общественном мнении страны. Тогда уже началось зарождаться и фор-

мироваться сопротивлению давлению государства, его силовых органов, по привычке разминавших свои мускулы на безответном населении. Это сопротивление, правда, вскоре ослабло, а потом и заглохло, но в тот момент идеи справедливости и законности еще бурлили в мозгах молодого поколения.

— Я догола раздеваться не буду, — решительно объявил я, — имейте совесть! У вас же нет никаких оснований подозревать нас в краже!

— Мы ни в чем не виноваты, — включился в перебранку Уткин, — может быть, здесь дырка или щель какая-нибудь где-то. Мы же не должны за все здесь отвечать!

— Думаете, что повеселились, напортачили и пошли? Как говорит наш торгпред: «Баран бараном, а рога задаром». Вы что, хотите с бриллиантом отсюда даром выйти — так это не выйдет. Снимайте штаны, дураки! — бросил нам в ответ безжалостный Гусев. — А то из вас котлеты сделаю.

Мы поняли, что крепостную стену в лице Гусева нам не преодолеть, и начали расстегивать брюки.

— Жалко, что нам не доверили обыскать Любу, — вполголоса обратился ко мне Уткин, снимая брюки и пытаясь их аккуратно сложить по отглаженным складкам. Я оценил его чувство юмора и хотел было посоветовать ему быть во время личного досмотра Любы поосторожней, учитывая известный всем в торгпредстве ревнивый и даже лютый нрав Колиной супруги, как в ту же секунду на столе защелкал — или лучше

сказать, зазвенел — искомый нами бриллиант. Он неспешно вывалился на стол из манжеты Колиных брюк на глазах всех присутствовавших и даже немного как бы демонстративно прокатился по столу, искрясь всеми своими пятьюдесятью семью гранями. Остановившись, бриллиант как бы просигнализировал — а вот и я!

Мы с Колей практически задохнулись, потеряв дыхание от неожиданности, переходящей в радость, а Гусев досадливо щелкнул пальцами.

Не успел он дощелкнуть, как мы с Уткиным, толкаясь и отпихиваясь друг от друга в майках, трусах⁹ и с брюками в руках рванули по коридору к туалетам — вот там-то и наступило настоящее облегчение.

На последовавшем незамедлительно после обнаружения бриллианта и натягивания брюк совещании у торгпреда все присутствовавшие были слегка в приподнятом настроении, которое обычно сопровождает окончание ревизии или отъезд большого начальства. Гусев, правда, пытался поднять вопрос о несоответствии мероприятий торгпредства по сохранности социалистической собственности требованиям времени и возросшим проискам врагов нашего государства. Торгпред, однако, уловив в этом наезд на его ведомство, отметил, что сохранность обеспечена, люди проверенные, все

---

⁹ Сейчас мне эта пробежка напоминает известные сцены в одной из лучших советских комедий «Джентльмены удачи», где якобы беглые сидельцы в трусах и майках изображают спортсменов из общества «Трудовые резервы».

хорошо, и устремив свой взор на Гусева и выставив вперед указательный палец, искривленный в результате отложения солей, пробурчал:

— Я тебе говорил, что из этого роя не выйдет... ничего. Все на месте, все хорошо, никаких пропаж.

Улавливая развитие ситуации, секретарь парторганизации торгпредства, скрывавшийся для конспирации перед итальянскими властями за должностью секретаря профсоюзной организации, подтвердил, что и Коля Уткин, и я имеем хорошие характеристики (члены партии, характер советский, беспощадны к врагам социализма, преданы делу борьбы всех трудящихся — короче, лучше, чем у Штирлица).

Обращаясь к нам, торгпред сказал:

— По-хорошему вам обоим влепить бы по выговору, но я подумаю еще, посоветуюсь.

Все остальные из присутствовавших на совещании хранили многозначительное молчание, сосредоточенно рассматривая свои руки и время от времени поглядывая на торгпреда и кивая головами.

На этом история закончилась, ни выговоров, ни других последствий не было. А жара на следующий день спала, и наступила прекрасная пора итальянской осени, того времени, которое у нас называется бархатный сезон, затем переходящее в бабье лето. На мой взгляд, лучшее время года.

Итальянское сопротивление Хрущеву

Эту историю придется начать издалека. В конце пятидесятых годов прошлого века я был назначен начальником отдела, занимавшегося в нашем министерстве торговлей со странами юго-западной Европы. В тот период времени очень энергичный, тогда шестидесятипятилетний Первый секретарь ЦК КПСС и уже Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев надеялся создать себе в мире репутацию не только человека, представляющего самый передовой общественный строй, но и новатора в международных отношениях, первопроходца, разгребающего завалы холодной войны в интересах всего человечества. В таком свете, я думаю, он себя видел, но и на самом деле Хрущев пытался активно развивать международные связи Советского Союза, уже много лет находившегося в своего рода изоляции от мирового сообщества. Эта изоляция началась сразу после установления советской власти в 1917 г. и с небольшими перерывами продолжалась всю ее историю.¹⁰

---

¹⁰ Надо сказать, что и в нынешние времена она (изоляция) никуда не делась, принимая различные формы и степени интенсивности. Видимо, события в мире и внутри стран развиваются так, что руководители государств по обе стороны изоляции считают ее необходимой и заботливо сохраняют, несмотря на попытки отдельных государственных деятелей сделать ее менее строгой (об одной из таких

Борьба против изоляции на своих условиях, однако, не очень здорово получалась. Хрущев без особого успеха ездил в США, выступал в ООН, сосредотачивался на Кубе, вдрызг разругивался с Китаем, пытался заработать очки на африканском континенте. В Европе дела шли тоже очень туго: проблемы с западным Берлином и ФРГ, раздоры в соцлагере, особый путь Югославии, ярые антикоммунисты у власти в Испании и Португалии, НАТО, «реваншисты всех мастей» — сложностей у руководителя СССР хватало. Одной из линий на ослабление международной изоляции стала попытка налаживания торговли, расширение круга экономических партнеров Советского Союза.

В рамках этой инициативы были предприняты многие действия, и в небольшой части из них принял участие и я. Мне, в частности, довелось договориться и обеспечить подписание документов об установлении торговых связей с Кипром, можно сказать с благословения архиепископа Макариоса, избранного президентом этого островного государства в 1959 г. Стояла задача приступить и к налаживанию торговли с Португалией, которую с 1932 г. бессменно возглавлял Антониу де Оливейра Салазар в качестве премьер-министра (закончил свою работу на этом посту в 1968 г.). Поскольку он был ярым антикоммунистом, надеяться на успех при его правлении не приходилось, но забывать гвоздики в фундамент будущего сотрудничества по ре-

---

попыток в этой истории и идет речь).

шению Кремля надо было. Как указывалось в научных исследованиях и публикациях об отношениях СССР и Португалии в тот период, дипломатических отношений не было, официальные контакты фактически отсутствовали, хотя и время от времени совершались небольшие торговые сделки через посредничество третьих стран.

В этих условиях я и прибыл в Лиссабон вместе с коллегой из торгпредства во Франции для встреч с представителями фирм-экспортеров и импортеров Португалии с целью оценки возможного потенциала сотрудничества. Встречи, однако, не состоялись.

Буквально на следующий день после прилета в Лиссабон мой коллега с весьма озадаченным видом сообщил, что меня срочно вызывают в Москву и я должен немедленно выехать в аэропорт и отправиться в Париж, откуда меня переправят первым же рейсом в столицу. Выяснить, в чем причина вызова (или отзыва), мне не удалось, поскольку мой напарник сам ничего не знал — ему позвонили из посольства, отдали приказ и ничего не объяснили.

Через несколько часов я уже летел в Париж. Здесь надо сказать, что со дня смерти Сталина не прошло и семи лет, общий для всех страх необоснованного и необъяснимого самого сурового наказания никуда не делся. За те пару часов полета из Лиссабона до Парижа я перебрал в голове все возможные варианты проколов с моей стороны, ни о какой возможной безобидной причине моего срочного отправления в

Москву я и не думал. Ясное дело — раз срочно вызывают, да еще таким экстраординарным образом, значит ничего хорошего меня в Москве не ждет. Была надежда, которая позволяла как-то переносить томительное время полета, и она состояла в том, что в Париже мне все-таки расскажут, в чем дело.

В парижском аэропорту меня встретил суровый и незнакомый мне сотрудник нашего посольства, который протянул билет на улетающий через час самолет «Эр-Франс», взял меня за локоток и проводил на посадку. На вопросы он не отвечал, не улыбался и только сообщил о том, что в Москве все объяснят и растолкуют.

Стало ясно, что дело очень серьезное, иначе меня бы не отправили на иностранной авиалинии. «Аэрофлот» летал в то время четыре раза в неделю, и именно в этот день рейса не было. В советские времена всем нам категорически возбранялось летать самолетами иностранных авиакомпаний. Пользоваться заграничными линиями могло только самое высокое начальство или те служащие, которые получили особое разрешение министра. Моя срочная отправка из заграницы, да еще и на французской авиалинии, то есть отягощенная затратами в валюте, была дополнительным и очень плохим сигналом. Я приуныл.

По дороге в Москву я мысленно еще раз прошелся по всем своим грехам, не обнаружил ничего подозрительного и в заключение пришел к выводу, что, скорее всего, из моего порт-

феля с секретными документами что-то пропало. Дело в том, что для работы с секретными документами¹¹ нам выдавались очень казенного, можно сказать нищенского вида дерматиновые портфели, которые по окончании рабочего дня опечатывались и сдавались в первый отдел, ведавший секретной документацией. Время от времени работники этого отдела проводили проверку этих портфелей на предмет соответствия содержимого учетным данным, т. е. с целью установить, не имела ли место пропажа секретного документа.

«Наверно, я что-то потерял, — думалось мне, — или что-то куда-то завалилось, подкололось, может, все еще и как-то обойдется». Но холодок по спине уже пошел, настроение совсем упало, в области желудка возникло неприятное ощущение, пошли мысли о жене и детях. За нарушение режима секретности могут и посадить, а если не посадят, то с работы попрут — это точно. А потом пойдешь попробуй найти место работы с таким пятном в биографии. С трудом удавалось сохранять внешнее равновесие и спокойное выражение лица. Даже приветливые и стройные французские стюардессы, равно как и предлагавшиеся ими дефицитные у нас напитки, в том числе и очень привлекательные спиртные, включая дорогущее французское шампанское, не могли отвлечь меня от печальных размышлений.

---

¹¹ На самом деле и по существу, эти документы не были уж такими секретными. Большая часть из них попадала в перечень такого рода документов только потому, что он был (на всякий случай) сформулирован довольно широко, и в этой связи, кстати, неоднократно подвергался критике и пересмотру.

Самолет произвел посадку в только что построенном московском аэропорту (впоследствии Шереметьево-1) и подрулил к зданию аэровокзала. Подвезли трап, и около него я увидел черную автомашину.

«Ну все, — подумал я, — конец, допрыгался». И в ту же секунду увидел около служебной новенькой «Волги» моего начальника, нетерпеливо смотревшего на медленно открывавшийся люк самолета. Мне сразу немного полегчало, так как стало очевидно, что речь идет о каком-то деле нашего министерства, как говорится, по специальности, тем более, что рядом с начальником никаких вооруженных лиц в форме не просматривалось. Однако ясности в причины срочного вызова в Москву это не вносило, и когда я встал с места, то у меня ноги от пережитых волнений даже слегка подкосились. Быстро взяв себя в руки, я засеменял на нетвердых ногах по трапу, опираясь для верности на поручни.

В машине мой начальник посетовал на то, что пришлось так срочно меня вызвать в Москву, и сообщил, что буквально на следующий день в Москву приезжает президент Итальянской Республики Джованни Гронки, а в отделе переводов МИДа, который обычно обслуживал переводчиками высшее руководство страны, не оказалось итальянского переводчика. Я так и не понял причины его отсутствия — то ли его вообще не было в штате, то ли он заболел. Меня захватила мощная и одновременно совершенно расслабляющая волна облегчения, не дававшая вникнуть в смысл того, что

мне говорил мой начальник. Прозвучало что-то про звонок из МИДа руководству нашего министерства, про нашего заместителя министра, которому я недавно переводил на переговорах с итальянцами и который указал на меня, про оказываемое мне высокое доверие и на не менее высокую ответственность, которая возлагается на мои плечи, и так далее. Я кивал головой, расслаблено улыбался и даже порой неуместно подхихикивал рассказу моего шефа. В голове же крутилась одна мысль — как же все-таки хорошо жить на свете, да еще и на свободе. Покрутившись в голове, эта мысль потихоньку привела меня к выводу, что надо бы и дальше постараться в том смысле, чтобы задержаться в этом состоянии как можно дольше.

А дело было в том, что, попав еще совсем в молодом возрасте, практически сразу после института, на работу в торгпредство СССР в Италии, не зная итальянского (в институте учил французский как основной и немецкий как второй), я рьяно взялся за изучение этого языка, тем более что он близок французскому как один из романских языков. Послали в Италию именно меня потому, что юристов с итальянским языком не было вообще, а работавший в торгпредстве в Риме юрист был пожилым человеком, фронтовиком, ходил на протезе и итальянский выучить хотел, но уже не получалось. Отзывать его начальство считало неудобным, и меня направили к нему как бы на воспитание и обучение, имея в виду отправить фронтовика домой, как только мне удаст-

ся стать полноценным юристом торгпредства. Это означало, что только от меня самого, от того, как скоро я смогу овладеть итальянским, зависела моя дальнейшая судьба и карьера.

В советские времена люди, впервые выезжавшие за границу в длительную командировку на 3–4 года, по прибытию к месту назначения переживали известный шок, особенно до конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Шок этот имел место не только по части резкой перемены жизненного уклада и потрясавших воображение простого советского человека товарного изобилия в магазинах, множества почти голых дам в витринах книжных магазинов и на обложках журналов, но и в связи с карикатурами в газетах на самого (!) Сталина, а потом и на Хрущева, не говоря уже о звучащих повсюду рок-н-ролле и буги-вуги.

В этих условиях советскому человеку было непросто найти свое место в чужом окружении и утвердиться в нем. Основную трудность представляла почти для всех языковая изоляция. При мне имели место (и не раз) случаи, когда недавно прибывших на работу из Москвы руководителей их секретарши соединяли с местными партнерами, эти руководители снимали телефонную трубку, слушали звонившего им человека, который, например, хотел представиться или поздравить с приездом, а потом в отчаянии от того, что не поняли ни слова, просто бросали трубку.¹²

Я это понял, осознал и просто врылся в изучение итальянского днем и ночью, постоянно слушая радио, читая газеты, посещая кино и вступая в беседы со всеми итальянцами, которые не отказывались от разговоров (тех, кто избегал общения, было очень немного, поскольку итальянцы любят поболтать). Через год я свободно говорил по-итальянски, а через четыре, к окончанию срока моей командировки и возвращению в Москву, во владении этим языком, без ложной скромности, мне не было равных. Я мог не только говорить, писать и думать на итальянском, но и сами итальянцы принимали меня почти всегда за своего. Кстати, звучание и интонации итальянского языка сходны русскому, и, если не вслушиваться в смысл, то беседа двух итальянок будет восприниматься как разговор соседок в московском дворике.

Когда Гронки приехал в Москву, я уже несколько лет по-итальянски не говорил, но информация о том, что я большой спец по итальянскому языку, в нашем министерстве утвердилась. Понятно, что при возникновении в наших чиновничьих кругах вопроса о том, кто может переводить на переговорах Н. С. Хрущева и Джованни Гронки с советской стороны, все указали пальцем на меня, тем более, что тематика переговоров обещала быть связанной именно с торгово-экономическим сотрудничеством, т. е. с министерством, где я и работал.

му-то из сотрудников перезвонить местному партнеру, сослаться на плохую связь и выяснить в чем дело, чего звонил-то.

Как известно, при переговорах на более-менее высоком уровне каждая из сторон имеет своего переводчика, который переводит собеседника на родной язык. В этом случае итальянский переводчик, известный в Италии знаток русского языка Серджио Беллармино (наверно — во всяком случае сам Серджио этого не отрицал — один из отпрысков считавшегося добрым и дружелюбным ученого-иезуита и инквизитора, который был к тому же, как ни странно, писателем и гуманистом)¹³ обеспечивал перевод всего сказанного Хрущевым на итальянский. Моя задача состояла в том, чтобы донести до Хрущева на русском языке то, что было произнесено со стороны Гронки. Считалось, что носитель языка (в данном случае я — в отношении русского и Беллармино — в отношении итальянского) лучше сможет выразить и донести до адресата на своем родном языке то, что имелось в виду иностранным контрагентом.

Мое включение в переговоры Хрущева с Гронки в качестве толмача (переводчика) должно было быть быстрым и не предоставляло возможности даже немного расслабиться. Мало того, что беседы между двумя лидерами начинались на следующий день после моего аварийного возвращения из

---

¹³ Роберто Беллармино — богослов-полемист, кардинал и великий инквизитор католической церкви, главный обвинитель в процессе Дж. Бруно, руководитель первого процесса над Галилеем. Будучи как-то в Италии, в городке Монтепульчано, откуда родом этот инквизитор, я даже останавливался в принадлежавшем ему и перестроенном под гостиницу доме, который до сих пор носит его имя.

Португалии, мой шеф передал мне две не только очень толстые, но и содержательные по существу папки с материалами, которые были подготовлены Хрущеву для переговоров.

«Ты это почитай, посмотри терминологию, подготовься — и будь готов. Завтра в семь заеду за тобой и поедем встречать Гронки», — сказал мне начальник и укатил. А я пошел в свою семнадцатиметровую комнату в коммуналке (восемь семей, два туалета, две газовых плиты на общей кухне), где жил с женой и тремя детьми. Жена почувствовала, что в моем неожиданном и срочном возвращении домой есть что-то неладное, и с моей стороны потребовалось немало усилий и времени, чтобы привести ее обратно в уравновешенное состояние.

Затем полночи я читал полученные от шефа папки, сверялся со словарем, под утро заснул, но к семи часам был готов и даже энергичен. Видимо, молодость и мощный выброс адреналина сделали свое дело. Выходной костюм, новое пальто, заграничный, но скромный галстук, папка с документами — я готов.

Про помещения, где проходили встречи и переговоры, ничего сказать не могу. Был полностью сосредоточен на своей работе, как бы чего-нибудь не исказить, не перевернуть и вообще не оплошать. Были беседы даже в Грановитой палате, помню там было как-то темновато. Переводить приходилось и Хрущеву, и Ворошилову, тогда он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР и по формальному поло-

жению соответствовал президенту Итальянской Республики Гронки, но в переговорах по существу не участвовал. Меня рассмешил один из помощников Хрущева, с которым я стоял рядом во время выступления К. Е. Ворошилова на приеме в честь Гронки в Большом Кремлевском дворце. Ворошилов сказал, что рад приветствовать высокого гостя и как один из советских руководителей с большим удовольствием познакомился не только с Гронки, но и с его супругой. При упоминании знакомства с супругой итальянского президента помощник тихо проговорил: «Когда ж он успел-то». Я с трудом сохранял торжественное и почтительное выражение лица, стараясь не рассмеяться, а Ворошилов продолжал, что это более тесное знакомство позволило «нам лучше узнать друг друга, лучше понять проблемы, интересующие наши страны». Помощник снова хмыкнул и состроил озадаченное лицо. Мне стоило больших усилий удержаться в рамках приличий.

Визит Джованни Гронки в СССР имел большой потенциал для развития отношений СССР с капиталистическим миром, но дальше изложения сторонами своих позиций дело, к сожалению, не пошло. Отношения с Италией как одной из главных стран-участниц гитлеровской коалиции были у Советского Союза натянутыми. Гронки же хотел не только улучшить двусторонние отношения, но и рассчитывал выступить в качестве своего рода посредника между СССР и западными странами, отношения между которыми в связи с

германским вопросом в те годы обострились.

С Италией отношения вроде бы налаживались: помимо ряда серьезных дипломатических инициатив по урегулированию взаимных связей буквально за несколько месяцев до визита Дж. Гронки в конце 1959 г. было опубликовано советско-итальянское коммюнике о завершении репатриации итальянских военнопленных, было подготовлено соглашение между СССР и Италией по вопросам культурного сотрудничества, с советской стороны педалировалось развитие сотрудничества КПСС с итальянской компартией. Однако прорыва в отношениях с Западом не получалось, выступить в качестве миротворца не удавалось. На этом фоне Хрущев, видимо, нервничал, понимая, что с завершением визита Гронки уходит редкая в те времена возможность укрепить, помимо прочего, и свои позиции внутри страны как человека, способного успешно и к выгоде своего государства решать международные проблемы.¹⁴ Кроме того, вскоре, через пару недель, должен был состояться визит Н. С. Хрущева во Францию, к Шарлю де Голлю, но не все ладилось с французской стороной в части согласования деталей поездки, встреч, состава участников, речь даже шла о необходимости переноса сроков пребывания во Франции (в конце концов визит

---

¹⁴ Как известно, это Н. С. Хрущеву не удалось, а с Италией отношения получилось наладить позднее. Первый представитель советского руководства, который совершил официальный визит в Италию, был А. А. Громыко, и состоялся этот визит только в апреле 1966 г. Всего в Италию Громыко с 1966 по 1985 год совершил шесть визитов, примерно раз в три года.

действительно был отложен с формальной ссылкой на грипп Хрущева, но не надолго).

В этой связи (как я понимаю, именно на почве нервозности и возбужденности Хрущева) имел место неприятный для меня эпизод во время беседы Никиты Сергеевича с Гронки с глазу на глаз. В этих переговорах участвовали только два лидера государств, итальянский переводчик и я.

Здесь следует сказать, что с Серджио Белармино, переводчиком Гронки, у меня сложились хорошие, можно сказать приятельские отношения. Мы часто вместе ожидали начала очередного мероприятия, прибытия на встречу или отбытия участников восвояси. Много времени проводили по вечерам в посольстве Италии, где остановился Гронки, ожидая, когда он примет перед сном порцию виски — это означало конец его рабочего дня, соответственно и нашего, с последующей возможностью разойтись по домам. Выпив свой виски, Гронки уже не работал и никого не вызывал. После этого Серджио угощал меня итальянским вином, и мы дружелюбно расставались до следующего дня.

Серджио был приятным собеседником, и мы в перерывах между работой в качестве переводчиков коротали время за разговорами. Обсуждали, в частности, имевший место случай с переводом слов Хрущева во время его визита в США. Как рассказывали очевидцы, свое мнение об отношениях между советскими и американскими политиками Хрущев (видимо, в его понимании в порядке шутки) выразил

следующим образом: «У нас с вами один спорный вопрос — земельный: кто кого закопает». Сопровождающим лицам и переводчикам в ответ на вопросы американцев о смысле и, понятное дело, уместности такого заявления пришлось немало потрудиться для того, чтобы погасить их возмущение. В конце концов переводчикам удалось убедить американцев, что Никита Сергеевич сказал: «Мы будем жить, когда вас похоронят», имея в виду «Мы вас переживем». Обсудили мы и знаменитую «кузькину мать», грозя показом которой советский лидер привел в замешательство вице-президента США Ричарда Никсона во время известной встречи в Москве на выставке в Сокольниках. Просторечное и даже грубое выражение, означающее «пригрозить кому-либо наказанием, расправой», прозвучало в переводе «показать мать Кузьмы». Посмеялись, немного поспорив о происхождении «кузьки». ¹⁵

Возвращаясь к тому неприятному эпизоду, о котором я упомянул здесь чуть ранее, надо сказать, что в ходе визита Гронки в СССР Хрущев настойчиво твердил итальянскому президенту о принципе мирного сосуществования в межгосударственных отношениях, о необходимости его утверждения и применения в политике социалистических и капита-

---

¹⁵ Согласно Википедии, существует несколько версий «кузьки»: Кузьма в русских пословицах и поговорках представлен как злой, мстительный и драчливый персонаж; Кузьма, кузька — название плётки как орудия домашнего наказания; Кузька — жук-вредитель хлебных злаков, а кузькина мать представляется как ещё более опасное, чем кузька, существо, и т. д.

листических стран как основополагающего принципа.¹⁶ Это был его конек в вопросах международных отношений, и при всяком удобном и неудобном случае Хрущев пытался развивать эту тему,¹⁷ поскольку считал ее своим вкладом в марксистско-ленинскую теорию.

В свою очередь Гронки в ходе выступлений в Москве неоднократно упоминал о необходимости создания атмосферы «более приятного сосуществования между народами», «развивающегося день за днем в направлении понимания и сотрудничества».

Именно эту мысль он стал развивать перед Хрущевым на встрече тет-а-тет, о которой я сказал чуть ранее, заявив, что он выступает не только за мирное сосуществование, но и, как он выразился буквально, за «сожительство» государств с различным общественным строем. «Сожитель» или «сожительница» в русском языке, как известно, имеют значение «любовник» и, соответственно, «любовница». В период встречи Хрущева с Гронки «сожительство» в нашей стране осуждалось, было темой карикатур в журнале «Крокодил», а по партийной линии каралось как аморальное явление. Кро-

---

¹⁶ На XX съезде КПСС в 1956 г. Хрущёв выдвинул тезис о мирном сосуществовании двух различных общественно-политических систем как основном направлении советской внешней политики.

¹⁷ После того, как во время визита в США сотрудник университета Айовы подарил Н. С. Хрущеву символическую статуэтку свиньи, Никита Сергеевич заявил следующее: «Американская свинья и советская, я убеждён, что они могут вместе сосуществовать» (Согласно Википедии, это имело место 28.08.1959).

ме того, по слухам, — а я уже знал, что министерским слухам надо верить — сам Хрущев жил со своей женой, что теперь называется гражданским браком, то есть именно сожительствовавал в терминологии тех лет.¹⁸

При переводе «сожительства» я запнулся, пытаюсь подобрать правильное слово, чтобы у Хрущева не сложилось впечатление, что Гронки предлагает отношения любовного характера или на что-то намекает. Нужное слово никак не приходило в голову, пауза затянулась. Хрущев вперился в меня свирепым взором, от которого я даже похолодел. Глаза у него стали безжалостными, просто разъяренными и приобрели свинцовый оттенок.

— Почему заткнулся? Перевести не можешь, языка не знаешь? Что молчишь? Что он сказал? Переводчик называется. Я с твоим начальством и с тобой разберусь! — обрушился на меня Хрущев. Я что-то замекал и одновременно почувствовал смертельную опасность, исходящую от Хрущева.¹⁹ Его простецкий добродушный вид колхозного агро-

---

¹⁸ Второй женой Никиты Сергеевича была Н. П. Кухарчук, украинка, которая вошла в историю как первая супруга советского вождя, сопровождавшая его, хотя и редко, на официальных мероприятиях. С ней глава СССР прожил более сорока лет в гражданском браке и только в 1965 г. официально зарегистрировал отношения.

¹⁹ Справедливости ради надо сказать, что характер у Хрущева был многогранный. Рассказывают, как анекдот, что на похоронах Сталина в Колонном зале Дома союзов траурные мелодии с небольшими перерывами исполняли лучшие музыканты страны. Для них был выделен уголок, где стояли стулья, стол с бутербродами и самоваром и где можно было передохнуть. Скрипач Давид Ойстрах

нома был обманчивым, за ним стоял беспощадный и закаленный схватками боец, готовый к самым решительным действиям. На меня как бы дыхнуло лютым сталинским холодом сибирских лагерей. Я совсем стушевался и был готов к самому плохому, но на помощь неожиданно пришел потомок итальянского инквизитора. Переводчик Гронки, Серджио Беллармино, непринужденно обратился напрямую к Хрущеву:

— Уважаемый Никита Сергеевич! Мой коллега совершенно обоснованно затруднился перевести слова господина президента, и я на его месте также засомневался бы в выборе правильного значения. По зрелому размышлению я бы перевел слова господина Гронки как желание поддержать не только принцип мирного сосуществования, но и более тесного сотрудничества между нашими государствами.

Затем Беллармино объяснил на итальянском ситуацию Гронки, и тот одобрительно покивал головой. Я уже немного пришел в себя, попросил извинения за задержку с переводом и подтвердил перевод, сделанный Беллармино. Хрущев махнул рукой и, как я понял, начал остывать. Беседа продолжилась.

В ходе дальнейших переговоров в различных составах участников итальянская делегация предъявляла претензии в части намечавшегося сотрудничества в области автомобиле-

---

впоследствии вспоминал, что в какой-то момент за ширму заглянул Хрущев — лицо небритое, усталое, но не панихидное. Оглядев сидевших у самовара знаменитостей, он сказал вполголоса «Повеселей, ребятки!» и исчез.

строения. Выбор фирмы «Фиат» в качестве основного партнера для переговоров был неслучайным. С одной стороны, хотелось досадить глобальным противникам-американцам, которые после строительства ГАЗа в тридцатые годы двадцатого века с участием концерна «Форд» считали себя фаворитами в советском автопроме.²⁰ С другой стороны, европейцы и особенно Италия с ее сильной компартией казались стратегически более перспективными партнерами. Нельзя забывать и о том, что фирма «Фиат» еще в 1905 г. совместно с братьями Изотта выпустила знаменитый 100-сильный автомобиль «Изотта Фраскини»,²¹ тот самый автомобиль, который «зарумянившись» назвал в качестве желаемого Адам Казимирович Козлевич из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова.

В ходе переговоров в Москве итальянцы утверждали, что переданная ими ранее советской стороне информация об автомобиле «Фиат-600» используется нашими инженерами для разработки собственной малолитражки, которая основывается на технических решениях итальянцев. Помню, что Гронки укорял Хрущева за по сути дела плагиат, иначе говоря воровство идей и, в данном случае, технических решений. Хрущева это задевало, он возражал в присущей ему катего-

---

²⁰ После заключения контракта с «Фиатом», сделки века, были сообщения, что «Форд» всерьез и глубоко обиделся на неверность Советов.

²¹ См. <https://oldtimer-veranstaltung.de/insertat/aussergewoehnliches-rekordfahrzeug-fiat-isotta-fraschini/>

рической манере и, не входя в детали, отрицал заимствование итальянских технологий, говорил лишь о внешнем сходстве советского «Запорожца» с «Фиатом-600», которое якобы неизбежно для малолитражных автомобилей.

Мне было видно, что Хрущев следует тем материалам, которые ему были подготовлены к переговорам, и отвечает по заготовленным лекалам. Вместе с тем чувствовалось, что он испытывает некоторое неудобство и раздражение, оказавшись в положении застигнутого воришки. Не секрет, что Италия в те годы демонстрировала потрясающие темпы роста, о которых социалистической экономике СССР можно было только мечтать. Особенно впечатляющим был рост именно в автомобильной промышленности.²² Здесь Хрущев, возможно, и увидел шанс для ускорения развития своей страны. Так это или нет, но, видимо, намерение продемонстрировать отсутствие связи с «Фиатом-600» привело к тому, что советская малолитражка «Запорожец» была впоследствии создана как автомобиль с воздушным, а не с водяным (как у «Фиата-600») охлаждением, т. е. конструктивно он отличался от итальянской модели,²³ хотя и воспринял необыч-

---

²² В период 1957–1960 гг. средний годовой прирост индустриального производства в Италии составлял 31,4 %. Ещё более впечатляющий рост показывало автомобилестроение — 89 %, а автомобили «Фиат-500» и «Фиат-600» стали настоящими символами итальянского экономического чуда.

²³ Первая модель «Запорожца» ЗАЗ-965 производилась с 1960 по 1969 год. Как отмечается в Википедии, основным прототипом ЗАЗ-965 в отношении общего дизайна кузова, частично — независимой пружинной задней подвески, ру-

ный для советского автомобилестроения итальянский вариант расположения двигателя в задней, а не передней части автомобиля.

Н. С. Хрущев поддерживал обсуждавшуюся тогда в правительственных кругах идею создания народного автомобиля, доступного широким массам населения. Он понимал необходимость выхода советского автопрома на рынок с отечественной моделью, которая была бы относительно недорогой, популярной и, главное, могла бы производиться в больших количествах и удовлетворять растущий спрос. Ему очень импонировал популярный в те годы во всем мире «Фиат-600» как небольшой и экономичный, недорогой в производстве и поистине массовый автомобиль.²⁴ Эта идея, кстати сказать, в конечном итоге была реализована путем строительства Волжского автомобильного завода, начавшего производство «Жигулей» на базе итальянского «Фиата-124».

Город, в котором был сооружен «АвтоВАЗ», в 1964 г. еще при Хрущеве, на мой взгляд, далеко неслучайно и даже намеренно переименовали в Тольятти в память об умершем в том же году генсеке Компартии Италии Пальмиро Тольятти,

---

левого механизма, трансмиссии был именно «Фиат-600», тем не менее, уже на уровне первого опытного образца — Москвич-444 — конструкция автомобиля была существенно переработана относительно «Фиата», а силовой агрегат был разработан полностью с нуля.

²⁴ «Фиат-600» — городской заднемоторный автомобиль итальянского автопроизводителя Fiat, производившийся с 1955 по 1969 год. Фабрика Mirafiori выпустила 2 695 197 экземпляров. Продавался по цене, которая считалась вполне доступной.

который был только на год старше Хрущева, почти его ровесник и, надо заметить, не имел к этому городу никакого отношения кроме того, что сам был итальянцем.²⁵

Визит Джованни Гронки имел для СССР во внешнеполитической сфере почти такое же значение, как предшествовавшая ему поездка Н. С. Хрущева в США. Этот визит получил соответствующее освещение в советской печати как очередная победа миролюбивой политики страны, ему было уделено большое внимание во всех средствах массовой информации. Да и сам визит был довольно продолжительным. В отличие от современных визитов руководителей государств, которые занимают два-три дня, визит Дж. Гронки занял большую неделю.

Характерно, что за это время итальянскому президенту продемонстрировали почти все главные достопримечательности, которыми гордилась страна Советов. Их подбор весьма очевиден и показателен — с одной стороны стадион имени Ленина, московский метрополитен, Майя Плисецкая в Большом театре, павильон «Космос» на ВДНХ и МГУ как достижения советского передового строя, а с другой — Но-

---

²⁵ 28.08.1964 Президиум Верховного Совета РСФСР постановил переименовать город Ставрополь Куйбышевской области в город Тольятти для увековечения памяти умершего 21 августа того же года Генерального секретаря ЦК Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. В 1966 г. совместно с итальянским автоконцерном FIAT в городе началось строительство крупнейшего в СССР Волжского автомобильного завода по производству легковых автомобилей.

водевичий монастырь, Исаакиевский собор, Дворцовая площадь и Эрмитаж, чтобы дать почувствовать историческое величие социалистической державы.

Мне показалось не очень уместным повышенное внимание и акцент на шедевры итальянской живописи при посещении президентом Италии Эрмитажа (Леонардо да Винчи, Рафаэль, Антонио Каналь, Микеле Мариески) с последующим вручением президенту соответствующих альбомов коллекций Эрмитажа. Я подумал, что если бы Н. С. Хрущеву во время официального визита в Италию стали бы показывать в римских музеях старинные русские иконы работы Рублева, то это вполне определенно привело бы к резкой и, скорее всего, скандальной реакции Никиты Сергеевича. Что-то, а некоторая вольность и выходящая за рамки приличий непосредственность в выражении своих эмоций у Хрущева была.

Визит Джованни Гронки в СССР стал одним из тех случаев, когда все участвовавшие в нем стороны возлагали на его результаты большие надежды, и ни у кого они не оправдались. Это случалось в мировой практике и в международной (и не только) деятельности Хрущева довольно часто (достаточно вспомнить последовавшую вскоре за визитом Дж. Гронки в Москву встречу того же Н. С. Хрущева с Дж. Кеннеди в Вене в 1961 г.).

До конца своего срока в 1962 г. Джованни Гронки слыл в итальянском обществе как президент-неудачник. В 1962 г. переизбраться на пост главы государства он не смог, был се-

натором и скончался 17.10.1978 в Риме в возрасте 91 года.

Герой Советского Союза и трижды Герой Социалистического Труда Н. С. Хрущев был смещен со всех партийных и государственных постов своими же выдвигенцами, соратниками и коллегами в 1964 г. и умер спустя семь лет, будучи пенсионером.

В заключение этой истории я думаю будет совсем не лишним процитировать официальное совместное советско-итальянское коммюнике, опубликованное в советской печати, которое информировало население страны, а также всех без разбору иностранцев²⁶ об итогах советско-итальянских пе-

²⁶ Для отдельных категорий иностранцев информация была иной. В издании «КПСС и советско-итальянские отношения в 1953–1970 гг. Документы», (Составители Гусев Б. Н., Кузьмичева Т. М, Салаконе А., Шилов В. Н.; Нестор-История, Москва, Санкт-Петербург, 2019) я обнаружил ссылку на Постановление Президиума ЦК КПСС «Об информации правительств социалистических и некоторых нейтральных стран относительно итогов визита Гронки в СССР» от 25 февраля 1960 г., к которому были приложены «Информация о визите президента Италии Гронки в Советский Союз (*для социалистических стран и итальянских друзей*)», а также «Информация о визите президента Италии Гронки в Советский Союз (*для некоторых нейтральных стран*)». Из этого ясно, что итоги визита президента Италии в СССР подавались иностранным средствам массовой информации в том виде, который зависел от качественного состава аудитории, которой эта информация адресовалась, и лишь в той мере, в которой руководство СССР считало это сообразным своим целям. При этом в отношении отечественной публики действовали совсем другие правила, см., например, в том же издании «Записка Международного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран» от 18 ноября 1961 г. с предложением об *изъятии из розничной продажи в СССР* очередного номера газеты компартии Италии «Унита» (*курсив мой* — Б. К.). Понятно, что газета изымалась из продажи ввиду обнаружения в ней крамолы каким-то чиновником ЦК.

реговоров, которые состоялись в Москве в феврале 1960 г.:

«Обе стороны рассмотрели международное положение, остановившись на наиболее важных проблемах и сопоставив свои соответствующие точки зрения. Была подтверждена необходимость обеспечить мир в условиях безопасности и экономического и социального прогресса народов. Всесторонне была обсуждена доктрина мирного сосуществования, основанная на принципе исключения войны как способа разрешения международных спорных вопросов и на принципе невмешательства во внутренние дела других государств».

Я не думаю, что сильно погрешу против истины, если скажу, что эта формулировка прекрасно впишется заключительной фразой в любое современное сообщение об очередных переговорах, состоявшихся в Кремле или за границей от лица Кремля. Однако практически такие заклинания и обтекаемые формулировки ничего, нигде и никому тогда не дали, да и сейчас тем более не дают. Наверно, это и есть дипломатия. Или мне так кажется.

Брежнев и французские короли

«Ну вот, Леонид Ильич, этот документ будем завтра где-то до обеда подписывать, можно сказать центральный пункт Вашего визита во Францию...» — обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС его помощник по международным делам, входя с толстой красной кожи папкой в номер первого лица Советского Союза в замке Рамбуйе. Замок, расположенный в полусотне километров от Парижа, считался летней резиденцией французских президентов и очень нравился Леониду Ильичу. Он просил планировать его визиты во Францию так, чтобы снова разместиться в Рамбуйе, где он в охотно останавливался уже неоднократно. Так это было и на этот раз, в середине второй половины семидесятых годов двадцатого века.

На симпатии генсека к Рамбуйе сказывалось, видимо, то, что замок был выстроен для охоты и активно использовался для этой цели французским королем Франциском I, преследовавшем в свое время косуль и фазанов, которые, расплодившись, и до сей поры обитают в одноименном лесу. Как страстный охотник, Брежнев ценил этот замок как некую охотничью заимку в центре Европы, а особенно ему импонировало то, что его, как высокого и почетного гостя, размещали в башне, носящей имя тоже любителя охоты короля Франциска I, в прекрасно оборудованном, просторном и уютном

номере, точнее сказать апартаменте. Здесь как бы сочетались любимые Леонидом Ильичом мотивы охотничьих забав, требовавшие простоты нравов и приятной ему сурово-мужской грубоватости, с изысканностью и доступным здесь уютным богатством французского быта с оттенком королевской роскоши, чего вообще-то не хватало в охотничьих угольях родного Завидово.

Мебель светло-желтого дерева с зеленой кожаной обивкой, хрустальные бокалы, графины и вазы, да и общий стиль ар-деко создавали у Генерального секретаря приятное расслабленное настроение, которое он очень ценил. Этому способствовало и то, что вся спецсвязь и личная охрана располагались в соседнем помещении, а собственно в номере первого лица страны Советов находился всего лишь один угловатый по формам телефон образца пятидесятых годов прошлого столетия, который рождал у генсека ностальгические чувства, вызывая в памяти обкомовские и райкомовские телефоны сталинских времен с решетками микрофонов на трубках, покрытыми серым налетом от частых и громких разговоров, сопровождаемых курением и чаепитием с сушками.

Это приятное настроение вновь прервал помощник:

— Президент французский уже полчаса как ждет, Леонид Ильич. Договаривались на пять часов.

— Так мы ж недавно только прилетели. Я, честно говоря, притомился. Скажи им, что встретимся попозже, перенеси на часок. Это ж нестрашно?

— Да нет, Леонид Ильич, подождут, чего им делается. Я только Громыко и Патоличева²⁷ предупреджу, чтобы были в курсе.

— Ну, иди, — пробормотал Брежнев, махнув рукой, — а документ оставь, я посмотрю.

Генсек и в самом деле чувствовал себя неважно, не только по возрасту, но и потому, что в самолете на пути в Париж позволил себе немного «освежиться» за беседой в компании сопровождавших полет стюардесс, которые ему особенно нравились — они были не какие-нибудь смазливые девчонки, а зрелые и хорошенькие женщины. Короче, со встречей для личной беседы с президентом Франции надо было еще немного погодить.

Встреча с французским президентом после еще одного переноса состоялась в половине седьмого, существенно позже запланированного времени, и прошла как обычно в последние годы. Брежнев с трудом и запинаясь зачитал подготовленный текст, француз проговорил свои банальности, поулыбались, покивали. Хозяин встречи, поглядывая на маленькую записочку перед ним, начал приближаться к интересующим его темам, высказываясь в том смысле, что есть еще вопросы, которые... Тут, однако, Леонид Ильич встал,

---

²⁷ А. А. Громыко — министр иностранных дел СССР, Н. С. Патоличев — министр внешней торговли СССР, оба из группы сопровождения Л. И. Брежнева в поездке во Францию в 1977 г., оба были назначены министрами при Н. С. Хрущеве и закончили министерскую карьеру примерно равной продолжительности в 27–28 лет при М. С. Горбачеве.

расправил плечи и, прямо держа спину, не размахивая руками, строго по прямой и не прощаясь, направился к выходу — он считал встречу законченной. Помощник, который уже знал эту относительно новую манеру своего босса, бросился за ним, сопровождая и как бы обнимая, но не касаясь его, и придерживал дверь, пока она тихо не захлопнулась. Французский президент переглянулся со своим помощником и переводчиком, пожал плечами и вышел. А что ему оставалось делать?²⁸

Накануне этой встречи мы как члены советской делегации самого высокого уровня и одновременно работники Минвнешторга, ответственные по поручению Правительства за согласование, оформление и подготовку документа для подписания Л. И. Брежневым и Жискара д'Эстеном, завершили все необходимые для этого священнодействия.

Текст документа — а речь шла о десятилетней программе торгово-экономического, научно-технического и культурно-

---

²⁸ Как вспоминал Жискара д'Эстен в своих мемуарах: «Дикция Брежнева становится все менее разборчивой. Все то же постукивание костяшек. Мы говорим уже пятьдесят минут. Я это отмечаю по своим часам, съехавшим на запястье. Однако если вычесть время, затраченное на перевод, то беседа длится вдвое меньше. Внезапно Леонид Брежнев встает — в дальнейшем я еще не раз столкнулся с этой его манерой — и тотчас же направляется к выходу. Он что-то говорит переводчику, вероятно, просит открыть дверь и предупредить адъютанта, который, как я догадываюсь, находится где-то совсем рядом. Как только Брежнев делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — контролировать направление движения» — цитата из книги «Брежнев. Уйти вовремя (сборник)», Валери Жискара д'Эстен, Генри Киссинджер и др., Алгоритм, М., 2012, ISBN: 978-5-4438-0120-9.

го сотрудничества — был уже давно, за несколько недель до визита во Францию, согласован на переговорах в Москве и Париже компетентными специалистами и одобрен в установленном порядке нашими и французскими инстанциями. Предусматривалось проведение выставок, научно-технические обмены, взаимные поездки специалистов и ученых, дни культуры и прочие «общеукрепляющие» мероприятия. Дело было скорее не в сути соглашения, а в его политическом аспекте, в укреплении, как говорилось в центральных газетах, «международно-правовых позиций СССР». Предусмотренные этой программой мероприятия и обязательства сторон полностью входили в компетенцию правительств договаривающихся сторон и, соответственно, эта Программа была составлена как межправительственное соглашение.

Здесь надо сказать несколько слов о формально-технической стороне подготовки международных, в том числе и межправительственных двусторонних соглашений. Хотя это может показаться скучноватым, но эти детали важны для следующего моего повествования.

После согласования собственно текста соглашения профильными специалистами, их ведомствами и вышестоящими инстанциями, круг и высота которых определяется содержанием соглашения, готовится его перевод на языки договаривающихся сторон, который также подлежит проверке и взаимному одобрению сторонами-подписантами. После этого тексты документа на двух языках участников со-

глашения или договора печатаются на особой «договорной» бумаге. Это специального большого формата толстая (типа тонкого картона) бумага, которая снабжена тисненой красной (для советских экземпляров) или синей (например, для французских) рамкой, внутри которой располагается текст. Документ печатается на этой бумаге (русский текст на русской, французский — на французской), тексты обмениваются между сторонами и сшиваются в специальных «договорных» папках, в советской сначала идет русский текст, потом французский, у французов — наоборот. Папки изготавливаются из натуральной высококачественной кожи и внутри отделяются натуральным шелком. Советские папки — красные, французские — синие. Внутри папки листы с текстом соглашения пробиваются специальным дыроколом и сшиваются хитрым образом шелковым же шнуром, концы которого выводятся внутрь папки, где на внутренней стороне задней обложки имеются два специальных углубления для заливки сургучом. После заливки расплавленным сургучом шнура, продетого сквозь все отверстия в папке и в листах, каждая сторона делает в своем углублении оттиск собственной медной и довольно тяжеленькой печатью на этом сургуче, ожидая его затвердения. При этом печать в период застывания сургуча нужно остороженько покачивать, чтобы она не схватилась и не склеилась с ним, и произвела в итоге ясно читаемый отпечаток.

Все эти ухищрения, конечно, придуманы где-то в про-

шлом, когда с международными соглашениями пытались мухлевать, подменяя страницы или их вырывая, но тем не менее и сейчас это является надежной защитой подлинности зафиксированных таким образом соглашений. Любая попытка манипуляции со страницами документа неизбежно привела бы к обрушению всей конструкции экземпляра соглашения и не могла бы остаться незамеченной. Кстати, сейчас нотариусы, следователи, бухгалтеры и архивариусы пользуются подобными методами сшивания и опечатывания, когда есть необходимость обеспечить сохранность документа и доказать его подлинность.

Так вот, все эти действия были нами совершены и завершены до приезда генсека в Париж. По сути дела, именно с этой целью я и оказался во Франции — молодой и очень расторопный помощник, каким я льстил себя надеждой быть в глазах моего шефа, начальника нашего управления. Надежды мои, впрочем, были небеспочвенны и оправдались, правда со временем.

Я еще в Москве отпечатал все страницы, выверил текст (опечатки не допускаются!), а затем по приезде в Париж за несколько дней до прибытия основной делегации из Москвы вместе с коллегами-французами сшил все отпечатанные страницы, завязал их шнуром, залил шнур сургучом и оттиснул министерскую печать. Все это было сделано заранее, до приезда основной делегации, но держалось в тайне, чтобы все выглядело так, как будто приехал Л. И. Брежнев во Фран-

цию на переговоры, договорился обо всем с французским президентом, выторговал для нас выгодные условия и подписал соглашение, быстренько напечатанное высококлассными машинистками.

На самом деле приезд генсека для заключения соглашения имел только символический формальный характер. Наша задача состояла только в том, чтобы подать документы на подпись, указать подписывающему лицу, где ее, эту самую подпись, ставить, промокнуть чернила (если надо) и подать папку для финального обмена. Это делал, конечно, с советской стороны мой начальник, а с французской — равный ему по рангу руководитель французских договорщиков. Суть и смысл визита состоял в личной встрече руководителей, в создании им возможности поговорить в непринужденной атмосфере, обменяться мнениями и посмотреть на реакцию собеседника вживую. Из рассказанного выше ясно, что этого здесь не произошло, как, впрочем, и в последующие встречи этих двух руководителей.

В день прибытия основной делегации во главе с Л. И. Брежневым и после ее размещения в замке мы с шефом были в своем номере (ввиду ограниченного числа номеров в замке, нас с начальником разместили в одном, хотя и просторном номере). Он слегка нервничал, помечая маленькими закладками в тексте самого соглашения и приложений к нему места для подписи, чтобы ничего не пропустить. Нервозность объяснялась тем, что документы на под-

пись подавались первому лицу государства — обычно мы обслуживали нашего министра и только иногда председателя правительства или его замов. Я же чувствовал себя вполне свободно, моя партия была практически сыграна, и полужа на диване в том же номере я, прикрутив звук, щелкал пультом (для нас тогда это была новинка) телевизора в поисках чего-нибудь интересного (все-таки Франция, куча программ). Это продолжалось, однако, недолго, так как появился помощник генсека и попросил подписной экземпляр Программы сотрудничества с Францией для показа Брежневу. Помощник хотел, с одной стороны, представить Леониду Ильичу эту Программу сотрудничества как результат его работы и показать свое собственное значение для развития международных связей СССР, а с другой стороны, напомнить ему о встрече с французским президентом и подтолкнуть к выходу из номера, где генсек задерживался — против согласованного расписания — уже слишком долго. Мы отдали помощнику договорную папку с Программой и стали смотреть телевизор. С этой-то папкой он и отправился к Брежневу.

Через несколько часов в дверь настойчиво и крепко постучали. Мой шеф открыл дверь номера, в нее всунулся крепкошейный (т. е. шея мощная, а голова относительно небольшая) профиль охранника, который предупредил, что по коридору мимо нашей двери на встречу с французским президентом проследует Леонид Ильич, и нам возбраняется выхо-

дить из номера в течение получаса и лучше смотреть в окно, в парк, а в коридор даже и не высовываться. Где-то через час все повторилось, генсек прошествовал обратно в свой номер. Папку с Программой мы обратно не получили, и нам осталось только гадать, что же будет дальше, но, честно говоря, мы рассчитывали, что папку нам просто-напросто вернут утром, перед подписанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.